

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Военно-инженерный институт
Цикл лингвистического и информационного обеспечения
45.05.01 Перевод и переводоведение

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
_____ А. В. Колмогорова
« ____ » _____ 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ПЕРЕВОД ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ «ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА» С
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Выпускник

В.А. Половинкин

Руководитель

канд.филол.наук,
доцент А.А. Яковлев

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
1.1. Понятие об интеллекте и классификация типов интеллекта.....	5
1.2. Основные понятия теории перевода	8
1.3. Роль контекста при переводе	13
1.4. Модели процесса перевода	21
1.5. Основы действий переводчика и переводческие трансформации.....	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	32
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ИНТЕЛЛЕКТА	34
2.1. Материал и методология исследования.....	34
2.2. Лексические трансформации при переводе лексических единиц высокого уровня интеллекта.....	35
2.3 Грамматические трансформации при переводе лексических единиц высокого уровня интеллекта.....	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	66

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе благодаря процессу глобализации роль переводческой деятельности значительно возросла, что приводит к возникновению новых проблем, связанных с переводом. Так как он охватывает почти все сферы человеческой деятельности, большая часть таких проблем связана с пониманием семантики используемых языковых средств. Ввиду неверного понимания ряда синонимов с общей семантикой возникают грубые переводческие ошибки, что, в свою очередь, отражается на целостности, адекватности и логичном построении переводимого текста, в следствии чего возникает ряд коммуникативных неудач. Поэтому необходимость более внимательно относиться к аспектам перевода во всех сферах деятельности современного человека становится все более острой.

Актуальность данной работы обуславливается недостаточной разработкой проблемы перевода средств выражения высокого интеллектуального уровня с французского языка на русский.

Объектом данной работы является перевод лексических единиц высокого уровня интеллекта с французского языка на русский.

Предметом работы являются особенности перевода лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» с французского языка на русский.

Материалом исследования послужили 132 примера, набранных из Национального корпуса русского языка.

Цель данной работы – выявить особенности перевода языковых средств выражения высокого уровня интеллекта с французского языка на русский.

Задачи:

1) проанализировать теоретический материал и сформировать теоретико-методологическую базу исследования;

2) из франкоязычных текстов набрать эмпирический материал исследования методом сплошной выборки;

3) проанализировать набранный материал и выявить языковые особенности средств выражения высокого уровня интеллекта во французском языке;

4) выявить основные лингво-культурологические особенности лексики с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» в русском и французском языках;

5) рассмотреть применение трансформаций и приемов при переводе лексических единиц с семантикой высокого уровня интеллекта.

Методы исследования: метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты данного исследования можно использовать в преподавании практического курса французского языка и практики перевода с французского языка на русский.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Апробация работы: основные результаты исследования по теме ВКР были представлены на международной научно-практической конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», проходившей 23-24 апреля 2019 г. на базе ИФиЯК СФУ.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие об интеллекте и классификация типов интеллекта

В истории психологических исследований проблема интеллекта, являясь, с одной стороны, наиболее изучаемой и распространенной (ей посвящено наибольшее количество работ), с другой стороны, остается самой дискуссионной. Так, например, до настоящего времени не сложилось однозначного определения интеллекта, хотя этим понятием активно оперируют в различных областях психологической науки.

Прежде чем рассматривать и анализировать семантику высокого уровня интеллекта, необходимо изучить те критерии и признаки, по которым определяется высокий интеллектуальный уровень. Для начала приведем несколько схожих определений интеллекта, которые в свое время давали различные ученые и специалисты в области психологии: «Интеллект — это относительно устойчивая структура умственных способностей индивида» [Березина, 2008: 92] или «Интеллект — разум, способность мыслить, проницательность, совокупность тех умственных функций (сравнения, абстракция, образования понятий, суждения, заключения и т.д.), которые превращают восприятия в знания или критически пересматривают и анализируют уже имеющиеся знания» [Дружинин, 2000: 101]. Также интеллект отождествляют с системой умственных операций, со стилем решения проблем, с индивидуальным когнитивным стилем и т.д. Отсутствие однозначности в определениях интеллекта связано с многообразием проявлений интеллекта. Однако всем этим проявлениям присуще то общее, что позволяет отличать их от других особенностей поведения, а именно — активизация в любом интеллектуальном акте мышления, памяти, воображения, — всех тех психических функций, которые отвечают за познание окружающего мира.

Г.Ю. Айзенк выделяет «три концепции, на основе которых возможно определить, что такое интеллект:

— биологический интеллект; где под биологическим интеллектом понимается физиологическая, нейрологическая, биохимическая и гормональная основа познавательного поведения, которая в основном связана со структурами и функциями коры головного мозга;

— психометрический интеллект, который определяется стандартными тестами измерения коэффициента интеллекта (IQ);

— социальный (или практический) интеллект как проявление социально-полезной адаптации, выделяются и исследуются такие проявления социального интеллекта, как рассуждение, решение задач, память, обучаемость, понимание, обработка информации, выработка стратегий, приспособление к окружающей среде» [Айзенк, 1995: 47].

По мнению ученого, работавшего над первыми тестами на интеллект, такого как, Дж. Кеттелл, человек, обладающий интеллектом, это тот, кто «правильно судит, понимает и размышляет» и кто благодаря своему «здравому смыслу» и «инициативности» может «приспосабливаться к обстоятельствам жизни» [Cattell, 1940: 13].

Эту точку зрения разделял и Д. Векслер — ученый, создавший в 1939 году первую шкалу интеллекта для взрослых. Он считал, что «интеллект — это глобальная способность разумно действовать, рационально мыслить и хорошо справляться с жизненными обстоятельствами», таким образом, «успешно меряться силами с окружающим миром» [Wechsler, 1939: 49].

Сегодня большинство академиков согласны именно с этим определением интеллекта, который рассматривается, как способность индивидуума адаптироваться к окружающей среде.

Когда речь заходит об умном человеке, воображение представляет себе математика, который решает вопросы, непонятные большинству, способного решить в уме задачу так быстро, что обычный человек даже не успеет ее записать. Это представляет себе традиционную идею разума как уникального

навыка, связанного с абстрактной мыслью. В 1994 году психолог Г. Гарднер предложил идею, которая изменила типичное представление общества о разуме: теорию множественного интеллекта. Согласно ей, «существует не одна, а 8 типов интеллекта, которые развиваются по-разному в каждой личности.

Типы интеллекта разделяют на 8 категорий:

- Лингвистический.
- Логико-математический.
- Визуально-пространственный.
- Музыкальный.
- Телесно-кинестетический.
- Интраперсональный (экзистенциальный).
- Интерперсональный (социальный).
- Натуралистический» [Gardner, 1994: 21].

Согласно типам интеллекта по Г. Гарднеру, «человек имеет врожденную склонность к некоторым действиям. Это определяет к какому типу стоит относить ту или иную личность» [Gardner, 1994: 20].

Также он разграничивает каждую из категорий с определенной деятельностью, профессией, подкрепляя свои слова некоторыми исследованиями, доказывающими, что «люди, которые очень умны в области математики, могут быть не так хороши, когда дело касается межличностных отношений. Исключительный музыкант может быть не таким одаренным в выражении себя через слова» [Gardner, 1994: 37].

На основе данной категории типов интеллекта могло быть выстроено целое методическое сопровождение образовательного процесса. Педагоги должны понимать студентов: сильные стороны, слабости, уязвимые области, способность к адаптации, а также учитывать к какому из типов интеллекта относится каждый из них и на этой основе выстраивать обучение.

Г. Гарднер как специалист в области психологии уверен, что «разум человека состоит из набора навыков, которые позволяют преодолевать личные проблемы и справляться с трудностями. Для решения различных вопросов необходимо понимать, что человеческий ум разнообразен и важно выбрать путь развития, подходящий определенному типу личности» [Gardner, 1994: 142].

1.2. Основные понятия теории перевода

Далее мы рассмотрим основные понятия теории перевода, сравним варианты этих определений, которые дают ученые, как отечественные, так и зарубежные.

Л.С. Бархударов дает следующее определение переводу: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [Бархударов, 1975: 3]. Однако другой академик Дж. Кэтфорд видит определение перевода по-другому. Для него перевод – это «языковая операция, при которой происходит замена текста на одном языке текстом на другом» [Catford, 1965: 2]. Из его определения можно сделать вывод, что центральной проблемой является степень общности между оригиналом и переводом. Но именно на определение Л.С. Бархударова мы будем опираться в нашей дальнейшей работе.

Сегодня существует несколько определений перевода в лингвистическом плане, основанных на положении А. В. Федорова о том, что «перевод – это передача текста письменной или устной речи средствами другого языка» [Федоров, 1983: 75]. Результат перевода – текст оригинала, переданный средствами другого языка. Из нескольких определений перевода, приводимых в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, нас интересуют следующие два: 2-е значение: «Перевод – передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка»

[Ахманова, 1969: 316]; 3-е значение: «Перевод –отыскание в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу на него не только разнообразной информации, содержащейся в данном речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному также и по форме (внутренней и внешней), что крайне важно в случае художественного текста, а также при передаче на другом языке понятий, которые не получили в нем устойчивого выражения» [Ахманова, 1969: 316].

Исследуя все аспекты лингвокультурологии и теории перевода как дисциплин, связанных с изучением прикладных наук, А.Ф. Кахаров пришел к выводу, что они «ставят перед собой следующие задачи:

1) раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т. е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2) определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

3) разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

4) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

5) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

6) разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

7) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

8) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода.

Кроме этого он убежден, что «лингвистика перевода включает разработку ряда прикладных аспектов, связанных с методикой обучения переводу, составлением и использованием всевозможных справочников и словарей, методикой оценки и редактирования переводов, а также различными практическими вопросами» [Кахаров, 2016: 634].

Кроме самого понятия «перевод», можно выделить следующие основные понятия теории перевода:

Функциональное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке.

Содержательное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передаётся то же содержание средствами иного языка.

Структурное отождествление перевода с оригинала заключается в том, что рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях предполагается точный порядок изложения переводчиком содержания оригинала: количество и содержание разделов, частей, глав должно совпадать.

«Сообщение — форма передачи информации посредством использования определенной знаковой системы. Каждое сообщение существует в двух формах, которые не вполне тождественны: сообщение, переданное отправителем (текст для говорящего), и сообщение, воспринятое получателем» [Виноградов, 2001: 224].

Общность содержания — смысловая близость текстов оригинала и перевода называется эквивалентностью перевода оригиналу. Полностью или частично эквивалентные единицы или высказывания существуют в исходном языке и переводящем языке, однако, их правильная оценка, отбор и

использование зависят от знаний, умений и творческих способностей переводчика.

«Адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только перенос информации с одного языка на другой, но и её адаптация с целью изложить в иной форме» [Комиссаров, 1990: 252]. Форма определяется задачей межъязыковой коммуникации, то есть при адаптивном транскодировании создаваемый текст не предназначен для полной замены оригинала.

Примером является сокращённый перевод. Сокращённый перевод заключается в опущении при переводе отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера. При этом предполагается, что переводимые части оригинала передаются коммуникативно равноценными отрезками речи на переводящий язык.

«Адаптированный перевод предполагает частичное упрощение и пояснение структуры и содержания оригинала в процессе перевода с целью сделать текст перевода доступным для восприятия отдельными группами рецепторов, не обладающими достаточными познаниями, которые требуются для понимания оригинала» [Комиссаров, 1990: 253]. Например, перевод «взрослого» текста для детей, перевод научного текста для широкого круга неспециалистов. Примером адаптированного транскодирования может служить прагматическая адаптация, ориентируемая на достижение желаемого практического результата, и осуществляемая при передаче на другом языке всевозможных рекламных объявлений.

Переводческое соответствие – единица языка перевода, регулярно используемая для перевода данной единицы исходного языка.

Не менее важную роль в теории перевода играют понятия «эквивалентность» и «адекватность».

Термин «эквивалентность» был введен вследствие отсутствия абсолютного тождества между содержанием оригинала и перевода.

«Эквивалентность - это общность содержания, т.е. смысловая близость оригинала и перевода. Поскольку важность максимального совпадения между этими текстами представляется очевидной, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода» [Латышев, 1988: 97].

В. Коллер дает следующее понятие эквивалентности: он считает что «понятие эквивалентности приобретает реальный смысл лишь в том случае, когда уточняется тип эквивалентных отношений между текстами» [Koller, 1989: 176]. Вид эквивалентности уточняется путем указания на те конкретные свойства оригинала, которые должны быть сохранены в переводе. Он различает следующие пять видов эквивалентности:

1) денотативную, предусматривающую сохранение предметного содержания текста;

2) коннотативную, предусматривающую передачу коннотаций текста путем целенаправленного выбора синонимичных языковых средств;

3) текстуально-нормативную, ориентированную на жанровые признаки текста, на речевые и языковые нормы;

4) прагматическую, предусматривающую определенную установку на получателя;

5) формальную, ориентированную на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других формальных признаков оригинала [Koller, 1995: 178].

В ряде случаев термин «адекватность» трактуется как взаимозаменяемый с термином «эквивалентность», однако В.Н. Комиссаров рассматривает термин «адекватность» более широко. В рамках данной работы будем опираться на его трактовку адекватного перевода, как синонима «хорошего» перевода, обеспечивающего необходимую полноту межкультурной коммуникации в конкретных условиях, в то время как «эквивалентность характеризуется как смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи» [Комиссаров, 1990: 100].

Таким образом, из всего вышеперечисленного советский лингвист Б.Н. Головин пришел к выводу, что «адекватный перевод всегда подразумевает определенный (соответствующий данному конкретному случаю) уровень эквивалентности, при этом эквивалентный перевод далеко не всегда является адекватным» [Головин, 1977: 98].

1.3. Роль контекста при переводе

Под термином «контекст» чаще всего подразумевается языковое окружение, в котором употребляется та или иная языковая единица. А.А. Реформатский дает контексту следующее определение: «Слова в языке, как уже было сказано выше, большей частью многозначны, но в речи люди достигают однозначного понимания. Это получается потому, что люди в речевом общении имеют дело не с изолированными словами, как в словаре, а с целым, где слова выступают в связи с другими словами и обстановкой речи. Это окружение слова называется контекстом» [Реформатский, 1996: 60].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение контекста: «Контекст – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. Иначе говоря, контекст есть фрагмент текста минус определяемая единица» [Ярцева, 1990: 238].

Оксфордский словарь дает следующее определение слову «контекст», которое ввел один из ведущих редакторов данного словаря Дж. Пирсол: «контекст – это части устного/письменного текста, идущие сразу перед словом или фразой и после него, которые уточняют значение» [Pearsall, 2001: 78].

В статье «Контекст и перевод» автор говорит о контексте так: «Полное смысловое соответствие перевода и оригинала достигается лишь при

выполнении условия передачи тождества смысла (в идеальном случае) языковых единиц, достигаемой благодаря сохранению контекстуальных значений всей совокупности фраз текста.

Любая многозначность языковых единиц, фразеология, реалии поддаются переводу не в силу некоторого абстрактного соответствия отдельных словарных единиц, а благодаря раскрытию всех контекстных смысловых связей элементарных единиц, образующих целый коммуникативный отрезок.

Можно сказать, что при переводе учет контекста есть не только обязательный элемент переводческой деятельности, но и предварительное условие творчества переводчика, выступающего в роли настоящего интерпретатора текста в его лингвистическом, культурном, художественном, научном и т.п. аспектах.

Эти аспекты практически суть те невидимые контекстуальные условия, которые сопровождали порождение текста и которые должны вновь проявить свою силу при воспроизведении текста на языке перевода. «Перевод как один из важнейших видов коммуникативной деятельности ориентируется прежде всего на полную и адекватную передачу языка – оригинала, содержащего всю совокупность импликаций языкового, социального и культурного плана. Естественно, что при такой целевой установке адекватность может быть достигнута только при переводе не изолированных единиц, а достаточно полных частей текста или всего текста, способных обнаружить все пресуппозиции автора» [Серов, Шевнин, 1989: 153]. Интерпретация изолированных фраз и слов в принципе невозможна. А потому и невозможен сам перевод, как бы ни были полны пословные и фразовые соответствия в языке оригинала и перевода. Только контекст может раскрыть значение языковых единиц, причем контекст, распространяющийся на все произведение, на весь текст, именно такой контекст и оправдывает отказ от буквализма при переводе и разрешает самые разнообразные способы

восполнения значения единиц (от простых слов до слов, обозначающих реалии).

Более того, контекст, включающий в себя не только текстовые факторы, но и все моменты, обуславливающие само художественное творчество того или иного автора, создает предпосылки для перевода, приближающегося в идеале к «звучанию» подлинника» [Серов, Шевнин, 1989: 153].

М.Ю. Илюшкина в своем учебном пособии выделяет следующие виды контекста:

1. Лингвистический контекст – это языковое окружение употребления той или иной единицы языка. В пределах этого понятия различаются:

- Узкий контекст (или микроконтекст), т. е. контекст предложения – лингвистические единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения [Комиссаров, 1990: 142]. Узкий контекст, в свою очередь, это: а) либо синтаксический контекст, т. е. та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или (придаточное) предложение; б) либо лексический контекст — совокупность конкретных лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых встречается данная единица.

- Широкий контекст (или макроконтекст) – языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это текстовой контекст, т. е. совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, иными словами, в смежных с ним предложениях. точные рамки широкого контекста указать нельзя; это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения в целом (например, рассказа или романа) [Илюшкина, 2015: 76].

2. Ситуативный (экстралингвистический) контекст – обстановка, время и место, к которому относится высказывание; любые факты реальной действительности, знание которых помогает переводчику правильно

интерпретировать значения языковых единиц в высказывании [Илюшкина, 2015: 76]. К данной категории относятся, например, упоминаемые в книге Ю. Найда контексты, включающие культурные ценности, публику, условия и прочее. Так, в качестве примера контекста, включающего в себя культурные ценности Ю. Найда приводит пример использования слова «инженер по зданию» вместо слова «уборщик» в университетах для избежания дискриминации по профессиональному признаку, не в последнюю очередь потому, что они в некоторых случаях зарабатывают больше, чем профессора.

Примером публики в качестве контекста служит упоминание одного из библейских стихов, в котором говорится, что «последователи Иисуса слушают и слышат его и понимают, что он говорит, а фарисеи подозревают его и преследуют тех, кто слушает его» [Nida, 2001: 331].

М. Л. Макаров в своем учебном пособии выделяет следующие виды контекста:

- Речевой контекст или ко-текст используется в первую очередь в лингвистике текста, а также в разговорном анализе и дискурс-анализе (в узком смысле) [Макаров, 2003: 148]. Отношения дискурса с ко-текстом он трактует не сводимы к анафоре и кореференции, названные выше направления стремятся реконструировать когезию и/или когеренцию (формальную связанность и смысловую связность, соответственно) дискурсов как макрограмматических единиц. Однако объяснить когезию и когеренцию текста как исключительно грамматические категории очень трудно. Отсюда и возникает необходимость соотнести их с социально-культурными и когнитивными процессами, т. е. с другими типами контекстуальности.

- Экзистенциальный контекст (existential context) обычно подразумевает мир объектов, состояний и событий, — все то, к чему отсылает высказывание в акте референции. Здесь переход от семантики к прагматике происходит тогда, когда говорящий и слушающий(ие) в их

пространственно-временной соотнесенности определяются как индексы, семиотические указатели на данный экзистенциальный контекст. Это вовлекает в анализ языковых выражений дейктические элементы языка и вплотную подводит исследователя к семантике индексов (*indexical semantics*), но семантика индексов — это лишь одно из направлений прагматики, рассматривающих отношение к экзистенциальному контексту. Другой тип прагматики использует расширение категории возможных миров (*possible worlds*). Теория моделей и модальная логика разрабатывают формальные процедуры, с помощью которых определенный возможный мир может быть приписан какому-либо языковому или знаковому выражению в качестве сферы приложения. Но и эту точку зрения также нельзя признать безоговорочно, потому что возникает закономерное сомнение в том, как этот «возможный мир» может стать референтом высказывания без психического опосредования, без влияния таких способностей, как, например, воображение и концептуализация. Исследованиями значений и смыслов в экзистенциальных контекстах занимаются логическая семантика и прагматика.

- Ситуационный контекст (*situational context*), формирующий социологическое, а подчас этнографически и антропологически ориентированное, широкое социально-культурное направление прагматики, содержит набор факторов, частично определяющих значения языковых и прочих знаковых выражений. Ситуации как контексты представляют собой обширный класс социально-культурных детерминант, среди них: тип деятельности, предмет общения, уровень формальности или официальности, статусно-ролевые отношения, место общения и обстановка, социально-культурная «среда» и т. п. Это могут быть институциональные ситуации (в зале суда, на приеме у врача, на уроке в школе) и повседневные (в общественном транспорте, в магазине, дома), с их особыми правилами речевого общения, коммуникативными практиками и языковыми играми, когнитивными стереотипами. Эти факторы формируют коммуникативные

свойства макротекстовых единиц, структуры аргументации в дискурсе и каналы конструирования социально-психологических образов «Я» и «Других». Социология языка, этнография коммуникации и интерактивная социолингвистика много занимались типологией ситуационных контекстов, причем особое внимание они уделяли внутригрупповым, а чаще – диадическим статусно-ролевым отношениям, в частности, иерархиям с ярко выраженными проявлениями власти, так как это один из наиболее очевидных и важных факторов, определяющих смысл языковых и других знаковых выражений.

- Акциональный контекст (actional context) представляет особый класс ситуаций, которые конституируются самими речевыми действиями — речевыми актами. Однако из теорий, отталкивающихся от идеи изучения акционального контекста, заметно предпочтительнее стандартной теории речевых актов выглядят инференционные концепции: межличностная риторика Дж. Лича, теории релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон, но и они не достигают объяснительного уровня интеракционной модели коммуникации. Языковое общение как обмен социальными действиями и взаимное (вос)производство интересубъективности невозможны без координации (что слабо выражено в теории речевых актов).

- Психологический контекст (psychological context) включает в прагматику ряд ментальных и когнитивных категорий, что предопределяется принятием деятельностной точки зрения на дискурс, согласно которой все речевые акты интенционально обусловлены [Илюшкина, 2015: 84]. Интенции, верования и желания рассматриваются как психологические, когнитивные регулятивы, ответственные за программы действий и взаимодействий. Ментальная сторона деятельности сама по себе не так уж важна для прагматики — ее интересуют только легко распознаваемые и в определенном смысле конвенциональные интенции, верования, желания и т. д. Именно они создают психологический контекст дискурса, хотя психолингвистическими (в строгом смысле) эти явления назвать нельзя.

Таким образом, психологический контекст, в своей прагматически релевантной части, не охватывает полностью всего многообразия мыслительных процессов и «движений души» («life of mind»), он включает только те когнитивные процессы и регулятивы, которые реализуются в обусловленных структурой языка процедурах порождения и интерпретации совокупностей языковых выражений» [Макаров, 2003: 149].

Л.М. Урубкова в своей статье пишет о контексте так: «В процессе коммуникации контекст исследуется как единое пространство знаний, условие возможности установления взаимодействия и взаимопонимания. Язык, контекст, социальное взаимодействие необходимо исследовать в единстве и взаимосвязи. Контекст является условием развития языка, возможности коммуникации. Контекст способствует возникновению взаимопонимания на основе соединения индивидуального и социального в общении: знание закономерностей общения и деятельности, знание истории, культуры, ценностей народа. В переводческой деятельности высказывание может быть понято только при условии понимания ситуации взаимодействия, знания концептуальной системы языкового сообщества, общности концептуальных знаний языкового сообщества, понимания индивидуальных знаний говорящего. Для понимания слова необходим «внесловесный контекст», в котором слово звучало бы осмысленно для слушателя. Этот внесловесный контекст высказывания складывается из трех моментов: общего для говорящих пространственного кругозора, из общего для обоих знания и понимания положения и из общей для них оценки этого положения. В обучении переводу необходимо сформировать знание, что каждый психологический факт занимает определенное положение в поле взаимодействия, такие факты являются причинами событий и изменений в общении. Переводчику необходимо понять моменты недосказанности, умолчаний, подразумеваемого и т.п. на основе «внесловесного контекста», или внесловесной ситуации высказывания» [Урубкова, 2010: 102].

В данной связи необходимо упомянуть такой способ перевода, как окказиональное соответствие, или контекстную замену. Л.Л. Нелюбин определяет его, как «вариант перевода, подходящий лишь для данного конкретного контекста» [Нелюбин, 2003: 24]. Он выделяет следующие приемы создания контекстуальных замен: конкретизация, генерализация, антонимический перевод, смысловое развитие и целостное переосмысление.

Конкретизация – это замена слова иностранного языка (ИЯ) с более широким значением словом другого языка с более узким значением.

Генерализация – это замена слова, имеющего более узкое значение словом с более широким значением.

Антонимический перевод – прием, при котором утвердительная конструкция заменяется отрицательной или наоборот, что сопровождается соответствующей лексической заменой единицы ИЯ ее антонимом в языке перевода.

Смысловое развитие – прием, при котором в переводе используется слово или словосочетание, значение которого является логическим развитием значения переводимого слова или словосочетания. Смысловое развитие всегда относится не к одному отдельно взятому слову, а, по меньшей мере, к словосочетанию или к смысловой группе.

Целостное переосмысление – прием, к которому прибегают, когда при переводе словосочетания, смысловой группы или предложения невозможно оттолкнуться от словарных соответствий или контекстуальных значений отдельных слов, но необходимо понять смысловое значение всего переводимого целого и передать его по-русски словами, иногда очень далекими от слов подлинника.

Также нельзя забывать о тех редких случаях, когда контекст либо является неполным, либо вообще отсутствует. Так, к таким случаям можно отнести переводы глоссариев или других списков слов, для чего используются стандартные словарные значения слов.

1.4. Модели процесса перевода

На данный момент существует множество описаний перевода как процесса. Все они гипотетического характера, потому что понять то, что происходит в сознании человека в момент преобразования содержания, выраженного в одной языковой форме, в то же содержание, материализованное в другой языковой форме, не представляется возможным на современном этапе развития наук.

Деятельность головного мозга, продуктом которой является перевод, возможно когда-нибудь будет разгадана усилиями специалистов различных научных дисциплин. Познать эту тайну пытаются специалисты в области биохимии, физиологии высшей нервной деятельности, физики, психофизиологии и других наук.

Модели процесса перевода, основанные на исследованиях и теориях таких ученых как В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер и др., строятся на основе самонаблюдений переводчиков, умозрительных посылок, заключений, и т. п. Когда появляется возможность проверить эти теоретические постулаты жесткой логикой фактов, то некоторые из гипотетических построений оказываются ложными или даже спекулятивными. Выше сказанное вовсе не должно побудить отказаться от попыток моделирования процесса перевода, а лишь свидетельствует о необходимости еще более строгого, ответственно и доказательно подходить к созданию подобных схем и описаний.

Наиболее распространенными в настоящее время гипотетическими моделями процесса перевода являются: семантическая, ситуативная, трансформационная, семантико-семиотическая, закономерных соответствий, коммуникативно-функциональная, информативная, теория уровней эквивалентности и др. Рассмотрим наиболее распространенные из них:

1. Семантическая модель процесса перевода строится с учетом компонентного анализа содержательных единиц языка и наличия регулярных

межъязыковых соответствий. Предполагается, что «в процессе перевода в оригинальном тексте вычленяются все элементарные содержательные единицы и их компоненты и им подбираются в языке перевода сходные или равнозначные по содержанию единицы» [Тютебаева, 2013: 207]. Следовательно перевод сводится к синтезу смысла в материале языка перевода и анализу содержательных компонентов исходного текста. Обычное содержание любой речевой единицы рассматривается как единое целое, состоящее из набора элементарных стилистических, смысловых, стилевых и т. п. характеристик, которому подбирается аналог в языке перевода. При такой трактовке процесс перевода осуществляется не столько на уровне слов и предложений, сколько на уровне элементарных содержательных компонентов. Чем чаще совпадают такие элементарные смыслы в языке оригинала и перевода, тем адекватнее перевод. Семантическая модель связана с постулатом о наличии в языках глубинных содержательных структур и категорий, общих для всех языков. Процесс перевода и начинается с сопоставления этих глубинных смыслов.

2. Трансформационная модель возникла под воздействием идей трансформативной грамматики. При построении этой модели перевод трактуется как «преобразование текста исходного языка в текст на языке перевода. Языковой посредник анализирует оригинал, производит ряд межъязыковых трансформаций и выдает готовый перевод» [Виноградов, 2001: 25]. Главными оказываются действия по преобразованию так называемых «ядерных синтаксических структур», которые, согласно сторонникам этой модели, совпадают в различных языках и характеризуются общностью логико-синтаксических связей и лексического состава. Иначе говоря, текст оригинала понимается как совокупность исходных структур, которым должны быть эквиваленты в языке перевода или эти эквиваленты должны «выводиться» согласно правилам трансформации. В сознании языкового посредника текст оригинала на стадии анализа минимизируется в набор ядерных структур, затем на следующей стадии набор этот замещается

схожими структурами языка перевода, которые потом преобразуются в реальный текст перевода, соответствующий оригиналу.

3. Ситуативная (денотативная) модель, которая строится на базе того факта, что неизменной (инвариантной) основой языковых единиц оригинала и перевода является соотнесенность данных единиц с явлениями, предметами и данностями самой действительности, с тем, что в лингвистике называют денотатами или референтами. Большинство денотатов едины для всего человечества. Каждый текст, отражающий определенную предметную ситуацию, суждения и в конечном счете реальную действительность, создается путем соотнесенности с самыми различными денотатами. Исходя из этого, перевод- это процесс замены материальных знаков, то есть слов, одного языка знаками другого языка, соотносимыми с теми же денотатами. Иначе говоря, «переводчик воспринимает ситуации и суждения в одной материальной форме и воспроизводит их в другой, а денотаты остаются неизменными» [Швейцер, 1973: 75]. Но может случиться так, что какого-либо денотата вообще нет в обществе, которое обслуживает язык перевода. Тогда переводчик прибегает к различным компенсаторным переводческим приемам, чтобы сохранить смысл переводимого текста и правильно описать воспроизводимую ситуацию. Денотативная интерпретация процесса перевода весьма распространена, хотя у нее есть немало противников, и ее объяснительные возможности ограничены.

4. В коммуникативной модели, имеющей некоторые разновидности, процесс перевода рассматривается как процесс двуязычной коммуникации. В нем есть отправитель, получатель и сообщение, канал связи (письменная или устная речь с учетом жанра этой речи) и код (язык). Схематически это выглядит так: отправитель кодирует сообщение и передает его по соответствующему каналу, получатель осмысляет его (декодирует) и затем перекодирует воспринятую информацию с помощью нового кода и передает ее для получателя по тому же или другому каналу сохраняя жанровые особенности исходного сообщения. Схема эта базируется на

положениях теории связи, а язык человека рассматривается как своеобразный код. Усложняет схему тот факт, что языковой посредник обязан выбирать самый оптимальный вариант из возможных вариантов передачи исходной информации. Важно и тот факт, что переводчик является участником процесса коммуникации, Более того он выполняет двойную функцию, получателя информации и отправителя. В коммуникативной модели учитываются отношения, которые в семиотике определяются как прагматические, синтаксические и семантические. Иначе говоря, отношения между знаком и денотатом, между знаками, между знаками и коммуникантами. Семантика, ситуация и функция составляют инвариантную основу высказывания на языках оригинала и перевода.

5. Информативная модель основана на положении, утверждающем, что «любой письменный или устный текст и его основная единица – слово являются обладателями самой различной информации, которая в сознании переводчика должна быть воспринята и понята, осмыслена в идеале во всем объеме, со всеми ее смысловыми, стилевыми, стилистическими, эстетическими функциональными, ситуативными, и т. п. особенностями» [Виноградов, 2001: 28]. Это процесс восприятия, понимания текста, происходящий в одно время с процессом воссоздания, перевода текста на основе имеющихся информационных аналогов в языке перевода. Чем выше уровень подготовленности переводчика, тем успешнее и быстрее происходит этот единый процесс переводческой деятельности. Информативная Модель учитывает интеллектуальные характеристики получателя (переводчика) текста и отправителя (автора), своеобразие культур и видения Мира, свойственные сопоставляемым языковым общностям, а так же коммуникативные и ситуативные условия порождения исходного текста. В отличие от сходной семантической модели информационная модель не использует утверждение о наличии в языках глубинных содержательных структур и компонентов и отрицает тезис о том, что процесс перевода происходит на уровне элементарных содержательных компонентов.

Сторонники информативной модели исходят из того, что в сознании рецептора происходит одновременно синтез и анализ содержательных компонентов, следствием чего является восприятие и понимание целостных объемов информации, при перекодировании которой передается содержание не отдельных слов или семантических компонентов, а мысли.

Также следует упомянуть о так называемой теории языковых соответствий, которая не претендует на моделирование процесса перевода. Задачей ее является «установление закономерных соответствий между единицами оригинала и перевода на уровне речи и языка. Языковые соответствия определяются как известные данности и, например, на уровне слова фиксируются в двуязычных словарях. Речевые соответствия устанавливаются при сравнении конкретных текстов» [Виноградов, 2001: 28].

1.5. Основы действий переводчика и переводческие трансформации

Прежде чем начать перевод, необходимо выполнить три основных действия, входящих в так называемую «переводческую стратегию»:

1. Предпереводческий анализ:

В предпереводческий анализ входят действия по выяснению внешних сведений о тексте, т.е. автора, время создания текста, определение реципиента, состав информации и плотность информации и коммуникативная цель текста.

2. Собственно перевод

3. Постпереводческая обработка текста, в которую входит оценка смысловой и стилевой целостности текста перевода, оценка соответствия текста перевода тексту оригинала и проверка отсутствия ошибок.

Также переводчику необходимо знать переводческие прецеденты - наиболее типичные, проверенные переводческие решения. Как отмечает В.Н. Комиссаров, знание переводчиком правил, приемов и стереотипов

играет важную роль при выполнении трансформаций в условиях нехватки времени быстрее найти вариант перевода.

Переводческие трансформации – это технические приемы перевода, состоящие в замене регулярных соответствий нерегулярными (контекстуальными), а также сами языковые выражения, получаемые в результате применения таких приемов» [Комиссаров, 2002: 180].

Л.К. Латышев определяет трансформацию как способ, перевода, для которого характерен отход от семантико-структурного параллелизма между оригиналом и переводом. «Противоположный способ перевода, применение которого возможно при семантико-структурном параллелизме оригинала и перевода, – это подстановка» [Латышев, 1988: 42].

Универсальной классификации переводческих трансформаций не существует: для имеющихся классификаций характерна либо широта, либо относительная узость подхода. Однако, среди имеющихся классификаций, прежде всего следует отметить классификацию Л.С. Бархударова, который свел трансформации к 4 основным типам изменений:

1) перестановки (в наиболее простом виде – изменение порядка слов в предложении);

2) замены (частей речи, слов с более общим значением словами с более частным значением, антонимические замены);

3) добавления (обычный случай – лексические добавления в качестве компенсации утраты грамматических средств выражения тех или иных значений);

4) опущение (действие, обратное добавлению) [Бархударов, 1975: 203]

В рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами ИЯ и их словарными соответствиями, а в плане динамическом как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по

условиям контекста. В зависимости от характера единиц ИЯ, которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где «преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот» [Бреус, 2000: 87].

Основные типы лексических трансформаций, применяемых в процессе перевода с участием различных ИЯ и ПЯ, включают следующие переводческие приемы:

- переводческое транскрибирование и транслитерация;
- калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

Основные типы грамматических трансформаций включают:

- синтаксическое уподобление (дословный перевод);
- членение предложения;
- объединение предложений;
- грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения) [Рецкер, 1980: 80].

Основные типы лексико-грамматических трансформаций включают:

- антонимический перевод;
- экспликация (описательный перевод);
- компенсация [Комиссаров, 1980: 179].

Далее рассмотрим классификации, предложенные разными учеными в зависимости от характера языковых единиц.

А.М. Фитерман и Т.Р. Левицкая выделяют три типа переводческих трансформаций:

- 1) грамматические трансформации,
- 2) стилистические трансформации,

3) лексические трансформации [Левицкая, Фитерман, 1973: 8].

Следующий ученый, А.Д. Швейцер, предлагает делить трансформации на четыре группы:

1. Трансформации на компонентном уровне семантической валентности подразумевают использование различного рода замен. Например, замена морфологических средств лексическими, другими морфологическими, синтаксическими или фразеологическими и прочие.

2. Трансформации на уровне прагматическом заключаются в следующих приемах: переводческие компенсации, замена тех или иных стилистических средств прочими, замена аллюзий (реалий) на аналогичные, а также интерпретирующий, поясняющий перевод и переводческие компенсации.

3. Трансформации, осуществляющиеся на референциальном уровне, – это конкретизация (или гипонимическая трансформация), генерализация (гиперонимическая трансформация), замена реалий (интергипонимическая трансформация), а также перевод с помощью реметафоризации (синекдохическая трансформация), метонимической трансформации, реметафоризации (замены одной метафоры другой), деметафоризации (замены метафоры ее антиподом – неметафорой). Сюда же относится та или иная комбинация названных трансформаций и трансформации комплексные (например, конверсивные).

4. Трансформации на уровне стилистическом – компрессия и расширение. Под компрессией подразумевается эллипсис, семантическое стяжение, опущение избыточных элементов и лексическое свертывание. [Швейцер, 2009: 86].

Я.И. Рецкер называет два типа трансформаций:

1. грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения,

2. лексические трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе,

компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании [Рецкер, 1980: 45].

Р.К. Миньяр-Белоручев называл три вида трансформаций:

1. лексические,
2. грамматические,
3. семантические [Миньяр-Белоручев, 1996: 99].

Концепция В.Н. Комиссарова сводится к таким видам трансформаций:

- a) лексические,
- b) грамматические,
- c) комплексные.

Говоря о лексических трансформациях, он называет транслитерацию, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены. Например, модуляцию, конкретизацию и генерализацию. В качестве грамматических трансформаций выступают дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. Комплексные трансформации также можно именовать лексико-грамматическими. Сюда относятся экспликация (по-другому, описательный перевод), антонимический перевод и компенсация [Комиссаров, 1980: 56].

Л.С. Бархударов называл следующие четыре типа преобразований (трансформаций), имеющих место в ходе работы над переводом:

1. перестановки,
2. замены,
3. опущения,
4. добавления.

Приемы, используемые при перестановке, это изменение порядка расположения компонентов сложного предложения, а также изменение места слов и словосочетаний. К приемам замены Л.С. Бархударов отнёс компенсацию, синтаксические замены в структуре сложного предложения,

замену частей речи, компонентов предложения и словоформ, конкретизацию и генерализацию, членение и объединение предложения, замену причины следствием (и наоборот), антонимический перевод. Опускания и добавления имеют соответствующие типы трансформаций – опущение и добавление [Бархударов, 1975: 190].

А.Б. Шевнин и Н.П. Серов, в своей классификации выделяют два основных типа переводческих преобразований:

1. лексические трансформации,
2. грамматические трансформации [Серов, Шевнин, 1989].

Л.К. Латышев выделяет пять типов переводческих преобразований:

- 1) лексические преобразования,
- 2) стилистические преобразования,
- 3) морфологические преобразования,
- 4) синтаксические преобразования,
- 5) трансформации смешанного вида [Латышев, 1981: 159].

В.Е. Щетинкин называет следующие разновидности переводческих трансформаций:

- 1) лексические,
- 2) стилистические
- 3) грамматические.

Также он разделяет все трансформации данного типа на четыре подтипа. Среди них:

- 1) перестановки;
- 2) опущения;
- 3) замены;
- 4) добавления [Щетинкин, 1987: 38].

Как уже было упомянуто ранее, значимым аспектом различных переводческих концепций является единица перевода. Она считается основной в процессе межъязыковой коммуникации и процессе

преобразования сообщения из исходного языка в переводный язык. Единицей перевода может выступать:

- минимальная единица текста, которая в процессе перевода выступает как самостоятельный объект этого процесса;
- минимальная языковая единица текста ИЯ, переводимая как одно целое;
- минимальный набор лексем и граммем ИЯ, который имеет некоторое соответствие с лексической или грамматической категорией ПЯ;
- минимальная единица исключительно плана содержания текста ИЯ, которая будет воспроизведена в ПЯ [Комиссаров, 1973: 50].

Подводя итоги анализа различных классификаций переводческих трансформаций российских, советских и зарубежных исследователей мы можем сделать вывод о том, что единой классификации типов переводческих трансформаций в современной лингвистике не существует. Также следует отметить, что создание единой классификации осложнено тем фактом, что разные лингвисты выделяют разное количество приемов переводческой трансформации.

Как уже было сказано ранее, в процессе трансформации единиц перевода ключевым моментом является подбор наиболее адекватного, в семантическом плане, эквивалента на переводящем языке, поэтому в следующем параграфе мы рассмотрим семантику средств выражения высокого уровня интеллекта при переводе с французского языка на русский.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Теория перевода формулирует цели и задачи перевода. Кроме того, она указывает на пути разрешения проблем при переводе, связанных с аспектами языка. Основная задача теории перевода – установить лексические, грамматические и семантические расхождения в двух языках и подсказать возможные способы перевода.

Действия переводчика определены и ограничены сферой профессионального общения. Тексты, подлежащие переводу (исходные тексты), в той или иной сфере профессионального общения весьма разнообразны и отличны по жанрово-стилистическим характеристикам и способу предъявления. Как следствие различаются и тексты перевода. Однако, несмотря на имеющееся многообразие, в текстах можно выявить общие черты, и они могут быть классифицированы.

Правильный выбор слова для полной передачи значения слова в переводимом тексте является одной из основных и наиболее сложных задач перевода, особенно это касается перевод лексем с семантикой высокого уровня интеллекта в художественной литературе. Трудность этой задачи обуславливается сложной природой слова, его многогранностью и семантическим богатством.

Основа анализа – классификация переводческих трансформаций Я. И. Рецкера, которая делит все преобразования и трансформации на две большие группы: лексические и грамматические. А те уже в свою очередь подразделяются следующим образом: к лексическим трансформациям относятся дифференциация значений, конкретизация и генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация.

Данные трансформации помогают переводчику в первую очередь выразить главную мысль текста-оригинала, но ни в коем случае он не должен

стремиться сохранить оригинал. Преобразования при переводе помогают поставить «грамотную речь», пусть и изменяя структурную составляющую предложения.

Нашей задачей является выявить и проанализировать переводческие особенности случаев употребления лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» на материале французской художественной литературы, примеры которой были взяты из Национального корпуса русского языка.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ИНТЕЛЛЕКТА

2.1. Материал и методология исследования

Основой для нашего исследования послужили 132 случая употребления лексем с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта». За основу была взята самая распространенная лексема, выражающая семантику высокого уровня интеллекта, *intelligent*. Затем с помощью интернет-ресурса *synonimo.fr* было отобрано 8 наиболее часто используемых лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта». Предложения с данными лексическими единицами были взяты с Национального корпуса русского языка, так как, именно в этой базе данных хранятся все возможные примеры употребления наших лексем из французской литературы, переведенной профессиональными переводчиками. Разумеется, что некоторых лексем, то есть примеров их употребления в данной базе не было, несмотря на то, что она все время пополняется. В этом нам помогли такие интернет ресурсы как, АБВУ, толковый словарь Larousse, из которых мы отобрали равнозначные лексеммы на замену тем, что отсутствовали в Параллельном французско-русском корпусе национального корпуса русского языка.

Несмотря на тот факт, что теория перевода и переводоведение как научные дисциплины являются довольно молодыми, в реальное время есть большое количество исследований о переводческих трансформациях. И это не странно, потому что данные науки считаются одними из центральных, и познание теоретических основ переводоведения очень принципиально в работе всякого переводчика. Однако следует отметить, что специалисты в области теории перевода так до сих пор и не пришли к общему мнению относительно самой сущности понятия трансформации. Этим и объясняется большое количество классификаций, предложенных учеными, отличающихся

друг от друга. Авторы данной статьи не ставят целью создание новой классификации или обобщение накопленных знаний. Мы хотим представить обзор классификаций от разных авторов, и рассмотреть более подробно некоторые отдельные приемы переводческих трансформаций.

Также следует добавить, что примеры употребления данных лексических единиц, взятых из художественной литературы, содержат комбинации переводческих трансформаций, так как для достижения переводчиком адекватного и качественного перевода прибегнуть только к одной трансформации будет недостаточно. Хотя и существует множества различных классификаций многих исследователей, таких как В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, Р.К. Миньяр-Белоручев и других, почти у всех общее один аспект: они все разделяют переводческие трансформации на лексические и грамматические, а эти в свою очередь уже подразделяются на множества подтипов (приемов).

2.2. Лексические трансформации при переводе лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта»

Ниже будут перечислены те примеры употребления лексем с компонентом «высокий уровень интеллекта», при переводе которых была уместна лексическая трансформация. Также рассмотрим, какой прием и тип данной трансформации был использован и почему.

1) *On sait ce qu'est le monde des parieurs en Angleterre, monde plus intelligent, plus relevé que celui des joueurs.* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Всем известно, что представляют собою в Англии любители пари — люди, куда более умные и возвышенные, чем обыкновенные игроки. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

В данном примере переводчик использовал прием модуляции при переводе лексемы *intelligent* в ее русском значении *умный*. Но если бы не контекст перевод данной лексемы с легкостью можно и нужно было соотнести к грамматическим преобразованиям, но так как она соотнесена к другой лексеме *monde*, первое значение которой *мир*, то есть, все люди в пределах Англии, лексическая единица *умный*, будет относиться именно к людям, а не к миру.

2) *Madame Magloire avait l'air intelligent, vif et bon; les deux angles de sa bouche inégalement relevés et la lèvre supérieure plus grosse que la lèvre inférieure lui donnaient quelque chose de bourru et d'impérieux.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Маглуар производила впечатление неглупой, живой и добродушной женщины, хотя неодинаково приподнятые углы рта и верхняя губа, которая была у нее толще нижней, придавали выражению ее лица оттенок грубоватости и властности. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В этом случае при переводе был использован прием антонимического перевода лексемы *intelligent*. Это было сделано для сохранения смысла содержания, так как речь в данном контексте идет именно о внешности, а если перевести *intelligent* первым доступным в словаре вариантом перевода *умный*, то речь уже скорее всего пойдет о ее уровне образованности. Также это один из примеров, когда лексическая единица, как и ее перевод, относятся к женскому полу. Более того далее мы увидим, что, во-первых, таких случаев не мало, во-вторых, перевод лексических единиц с семантикой высокого уровня интеллекта будет отличаться в зависимости от пола или рода объекта.

3) *Il était intelligent, robuste et adroit; il faisait de son mieux; le maître paraissait content.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Он был сообразителен, силен и ловок, он старался изо всех сил; хозяин, видимо, был доволен им. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В этом примере был использован прием модуляции, чтобы подчеркнуть не столь уровень интеллекта объекта, сколь его остроту ума. Именно поэтому слово *intelligent* переведено *сообразительный*, чтобы указать на его исключительность.

4) *La nature mêle quelquefois ses effets et ses spectacles à nos actions avec une espèce d'à-propos sombre et intelligent, comme si elle voulait nous faire réfléchir.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Иногда природа с помощью своих явлений и эффектов весьма своевременно, с каким-то мрачным и мудрым искусством вмешивается в наши действия, как бы желая навести нас на размышления. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

Прием дифференциации значения в данном примере обусловлен тем, что он показывает, что ни одно из словарных переводов лексемы *intelligent* не подойдет для описания данного контекста, поэтому при переводе был выбран вариант, который наиболее подходит для происходящих в контексте событий: *мудрый*, кроме этого данная лексема обладает эмоционально-окрасочной семантикой.

5) *Avant le bain, j'étais un pauvre paysan très peu intelligent, une espèce d'idiot; le bain m'a changé.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

До галер я был бедным крестьянином, очень неразвитым, почти совсем темным; каторга переделала меня. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

Переводчик применил антонимический перевод с целью усиления значения перевода словосочетания *peu intelligent* и чтобы показать, как сильно неразвит данный персонаж, и не только умственно.

6) *Et puis, pour tout dire, quoique le président fût homme bon et assez intelligent, il était en même temps fort royaliste et presque ardent, et il avait été choqué que le maire de Montreuil-sur-mer, en parlant du débarquement à Cannes, eût dit l'empereur et non Buonaparte.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

К тому же, если уж договаривать до конца, председатель, человек незлой и довольно неглупый, был в то же время правоверным роялистом, почти фанатиком, и его покорило, что когда-то мэр Монрейля–Приморского, говоря о высадке в Канне, употребил слово император, а не Буонапарте. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В этом случае был также использован антонимический перевод, но уже наоборот для понижения значения наличия развитых умственных способностей.

7) *Et quand un curé de village venait à Digne, M. l'évêque trouvait encore moyen de le traiter, grâce à la sévère économie de madame Magloire et à l'intelligente administration de mademoiselle Baptistine.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

А когда в Динь приезжал какой-нибудь сельский священник, епископ ухитрялся еще благодаря строгой экономии Маглуар и умелому хозяйничанью Батистины угостить его хорошим обедом. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном примере был использован прием дифференциации значения для того, чтобы показать уровень интеллекта, а определенное умение персонажа, которое тот выполняет на высшем уровне и с умом.

8) *Disons-le en passant, ce ne serait pas une haine intelligente que la haine du luxe.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Скажем мимоходом, что ненависть к роскоши—ненависть неразумная. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном примере имеет место быть антонимическому приемы трансформаций для того, чтобы придать выражению более эмоциональный окрас происходящего.

9) *Le totalitarisme publicitaire, c'est bien plus malin pour se laver les mains.* [Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997-2000)]

Рекламный же тоталитаризм – вещь куда более тонкая, тут легко умыть руки. [Фредерик Бегбедер. 99 франков (И. Волевич, 2002)]

10) *Alors c'est un malin", répondit le consul, "et il compte revenir à Londres, après avoir dépisté toutes les polices des deux continents!"* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

- В таком случае это ловкий пройдоха, — заметил консул, — он рассчитывает вернуться в Лондон, сбив столку полицию двух континентов! [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

В вышеописанных примерах использован прием конкретизации с целью придать данным лексемам более узкое логическое значение в этом контексте.

11) *Bah! d'un revers, elle écarte l'épieu, elle empoigne M. le comte et le jette par terre aussi facilement que je renverserais cette bouteille. Lui, malin, fait le mort... L'ourse, l'a flairé, flairé, puis, au lieu de le déchirer, lui donne un coup de langue.* [Prosper Mérimée. Lokis (1869)]

Не тут-то было; ударом лапы она откинула рогатину, схватила графа и повалила его на землю так же легко, как я опрокинул бы эту бутылку. Но, не будь глуп, он притворился мертвым... Медведица понюхала его, понюхала, а потом, вместо того чтобы растерзать, лизнула. [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

В конкретном случае были использованы два приема: антонимического перевода и целостного преобразования. Переводчик вместо того, чтобы соотнести перевод лексемы *malin* к объекту, о котором идет речь, этой фразой обращается к собеседнику.

12) *Illogisme de Voltaire, soit dit en passant; car Voltaire eût défendu Jésus comme il défendait Calas; et, pour ceux-là mêmes qui nient les incarnations surhumaines, que représente le crucifix? Le sage assassiné. Au dix-neuvième siècle, l'idée religieuse subit une crise.* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)]

Заметим между прочим, что со стороны Вольтера это не логично, ибо он защищал бы Иисуса, как защищал Жана Каласа; даже для тех, кто отрицает воплощение божества, – что представляет собой распятие? Убиение праведника. В XIX веке религиозная идея переживает кризис. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном примере был использован пример конкретизации, так как, первое значение лексемы *sage* мудрец, а в контексте религиозного текста оно неуместно, поэтому единственный подходящий перевод в религиозном контексте это *праведник*, как человека обладающего высоким уровнем интеллекта и знаниями.

13) *Cette lune dans le ciel, cette nature assoupie, ce jardin sans un frisson, cette maison si calme, l'heure, le moment, lesilence, ajoutaient je ne sais quoi de solennel et d'indicible au vénérable repos de ce sage, et enveloppaient d'unesorte d'auréole majestueuse et sereine ces cheveux blancs et ces yeux fermés, cette figure où tout était espérance etoù tout était confiance, cette tête de vieillard et ce sommeil d'enfant.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Луна в небе, уснувшая природа, недвижный сад, мирный дом, ночной час, эта минута, это безмолвие – все вместе придавало невыразимую торжественность священному отдыху этого человека и окружало ореолом величия и покоя его седины и сомкнутые веки, его лицо, исполненное надежды и веры, его голову старика и его младенческий сон. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

14) *Un évêque est un homme fort occupé; il faut qu'il reçoive tous les jours le secrétaire de l'évêché, qui est d'ordinaire unchanoine, presque tous les jours ses grands-vicaires.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Епископ—очень занятой человек. Он должен ежедневно принимать секретаря епархии (обычно это каноник) и почти каждый день—викариев. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В этой группе примеров был использован прием генерализации. Вместо привычного перевода слова *sage*, или *homme fort* как *мудрец*, было употреблено более общее *человек*, как нечто идеальное, обладающее всеми знаниями и мудростью. Также далее мы увидим тенденцию, которая заключается в неиспользовании данных лексем по отношению к женскому полу или роду: так как, первое словарное значение слова *sage* это мудрец, что уже говорит о широкосзначности данного существительного, а в словосочетании *homme fort* одна лексема хоть и имеет лексическое значение «относящийся к человеческому роду» (*homme*), все равно несмотря на всю широту своей семантики уверенно относится непосредственно к мужскому роду (полу).

15) *Homme fort d'ailleurs, il pouvait quitter à temps toutes ses plaisanteries, et semblait profond au moment où, jetant le bout de son cigare, il disait en regardant une ville: — Je vais voir ce que ces gens-là ont dans le ventre!* [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart(1832)]

Впрочем, как человек с твердой волей, он умел вовремя прекратить свои шутки и казался глубокомысленным, когда, отбросив окурок сигары, говорил, озирая город: "Посмотрим, что у этих людей всередке". [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

16) *C'est une farce qui arrive assez généralement à ceux qui, malgré leurs moyens, restent obscurs, et qui a failli être le cas du grand Saint-Simon, et celui de M. Vico, homme fort qui commence à se pousser. Il va bien,* [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart(1832)]

Такие шутки случаются довольно часто с теми, кто, несмотря на свои возможности, остается в тени, как это чуть не случилось с великим Сен-Симоном и с господином Вико, человеком выдающимся, который

начинает выдвигаться, Вико идет в гору. [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

В этих примерах использован прием модуляции для того, чтобы показать не только их уровень интеллекта, а также личностные качества и возможности.

17) - *Mais le comte, repris-je, est parfaitement raisonnable; il a l'esprit juste, il est instruit, beaucoup plus que je ne l'aurais cru, je vous l'avoue; il aime la lecture...* [Prosper Mérimée. Lokis (1869)]

- *Но граф,—возразил я,—в полном рассудке. У него здравые суждения, он образован, признаюсь, гораздо более, чем я ожидал; он любит читать...* [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

В данном примере также использован прием модуляции, так как из первого перевода данной лексемы *разумный* можно логически связать с вариантом переводчика. Вариант перевода раскрывается в последующем контексте.

2.3 Грамматические трансформации при переводе лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта»

Ниже будут представлены примеры с использованием грамматических преобразований. Я.И. Рецкер считает, что грамматические трансформации заключаются в реструктуризации предложения при переводе с учетом всех норм языка. Также он добавляет, что она может быть полной или частичной, то есть при грамматических трансформациях происходят изменение в структуре предложения, изменение частей речи или членов предложения, а также добавление или опущение слов или словосочетаний.

18) *Comme il avait été décidé le 23 avec Luc et Alfred, notre réflexion s'est appuyée sur le bénéfice conso: «Avec Maigrelette, je reste mince mais en plus je*

mange intelligent grâce à ses vitamines et son apport en calcium». [Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997-2000)]

– Как было решено двадцать третьего числа, мы вместе с Люком и Альфредом основывались на мотиве потребительской выгоды: «С „Мегрелет“ я останусь стройной и, кроме того, буду питаться разумно благодаря повышенному содержанию витаминов и кальция!» [Фредерик Бегбедер. 99 франков (И. Волевич, 2002)]

В первом примере данной категории грамматических трансформаций был использован самый распространенный прием переводческих трансформаций, а именно замена частей речи: *intelligent* – прилагательное, *разумно* – наречие.

19) — *OK, mais comment on introduit le bénéfice «Maigrelette rend beau et intelligent»?* [Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997-2000)]

– *O'кей, но только как мы вставим туда типр «„МЕГРЕЛЕТ“ СДЕЛАЕТ ВАС КРАСИВЫМ И УМНЫМ»?* [Фредерик Бегбедер. 99 франков (И. Волевич, 2002)]

Данный случай употребления и перевода лексической единицы *intelligent* иллюстрирует нам применение приема дословного перевода: лексема *intelligent* переводится одним из своих самых распространенных словарных значений – умный.

20) *Admirer signifie reconnaître que je suis l'homme le plus beau, le mieux habillé, le plus riche et le plus intelligent dela planète.* [Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince (1942)]

- *Почитать — значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.* [Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц (Нора Галь, 1959)]

В вышеприведенном примере при переводе лексемы *intelligent* был использован прием дословного перевода: intelligent переводится дословно УМНЫЙ.

21) *C'est que sa nature est plus parfaite, son corps plus fin et plus fini que le nôtre, que le nôtre si faible, simaladroitement conçu, encombré d'organes toujours fatigués, toujours forcés comme des ressorts trop complexes, que le nôtre, qui vit comme une plante et comme une bête, en se nourrissant péniblement d'air, d'herbe et de viande, machine animale en proie aux maladies, aux déformations, aux putréfactions, poussive, mal réglée, naïve et bizarre, ingénieusement mal faite, oeuvre grossière et délicate, ébauche d'être qui pourrait devenir intelligent et superbe.* [Guyde Maupassant. Le Horla (1887)]

Это потому, что его природа более совершенна, тело более тонко и более закончено, чем наше. А ведь наше тело, столь слабое, столь неразумно задуманное, обремененное органами, вечно усталыми и вечно напряженными, как слишком сложные пружины, наше тело, которое живет, как растение и как животное, с трудом питаясь воздухом, травой и мясом, — что такое наше тело, как не животный организм, подверженный болезням, уродствам, гниению, одышке, плохо отрегулированный, примитивный и прихотливый, на редкость неудачно сделанный, грубое и вместе с тем хрупкое творение, черновой набросок существа, которое могло бы стать разумным и прекрасным? [Гиде Мопассан. Орля (К. Локс, 1946)]

В данном примере используется прием дословного перевода, чтобы сохранить предложения: *разумный* вполне качественный эквивалент перевода.

22) *Mais il plaisantait, il riait au milieu de ses sauts de carpe, et, de temps en temps, il tirait de son sac un morceau desucre, que l'intelligent Kiouni prenait du bout de sa trompe, sans interrompre un instant son trot régulier.* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Но, несмотря на эти неистовые прыжки, он болтал, смеялся и время от времени вытаскивал из сумки кусок сахара и протягивал его умному Киуни, который брал угощение кончиком хобота, ни на минуту не замедляя

своей размеренной рыси. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

Пример ничем не примечателен, так как, при трансформации текста с французского языка на русский используется самый распространенный прием преобразования, прием дословного перевода: перевод лексемы *intelligent* – умный.

23) *Cet infini est-il un, immanent, permanent; nécessairement substantiel, puisqu'il est infini, et que, si la matière lui manquait, il serait borné là, nécessairement intelligent, puisqu'il est infini, et que, si l'intelligence lui manquait, il serait fini là?* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)]

Едина ли она, имманентна ли, перманентна? Непременно ли субстанциональна, поскольку она бесконечна, и была ли бы она ограниченной там, вне нас, не обладая субстанцией? Непременно ли разумна, поскольку она бесконечна, и была ли бы она конечной там, вне нас, не обладая разумом? [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном примере использован прием дословного перевода, несмотря на структурное изменение предложения: переводчик прибегнул к еще одной из наиболее распространенных грамматических трансформаций – членение предложения. Но это никак не влияет на исходный перевод и на изменение смысла предложения.

24) *Ce second infini est-il intelligent lui aussi?* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)]

Обладает ли эта вторая бесконечность разумом, как первая? [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном случае была использована другая грамматическая трансформация: прием замены, в частности, замены части речи, так как *intelligent* – прилагательное, *разум* – существительное.

25) *À cela près, il était et il fut, en toute chose, juste, vrai, équitable, intelligent, humble et digne, bienfaisant, et bienveillant, ce qui est une autre bienfaisance.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

За этим исключением епископ был и оставался во всем праведным, искренним, справедливым, разумным, смиренным и достойным; он творил добро и был доброжелателен, что является другой формой того же добра. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В этом примере также используется прием дословного перевода: перевод лексемы *intelligent* – умный. В этом примере используется второе словарное значение – разумный.

26) *La destinée peut-elle donc être méchante comme un être intelligent et devenir monstrueuse comme le coeur humain!* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Ужели судьба может быть так же зла, как мыслящее существо, и так же уродлива, как человеческое сердце? [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном примере был использован прием замены части речи: *intelligent* – прилагательное, *мыслящее* – причастие. Переводчик использовал данный прием с целью показать, что у описываемого предмета есть способность не просто мыслить, а развиваться.

27) *Je ferai Amboise en deux jours, et t'écrirai maintenant de Tours, où je vais tenter de me mesurer avec les campagnes les plus incolores, sous le rapport intelligent et spéculatif.* [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832)]

Амбуаз я обработаю за два дня и напишу тебе уже из Тура, где попытаюсь померяться силами с деревней самой тупой в рассуждении ума и коммерции. [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

В данном примере используется прием замены части речи: *intelligent* – прилагательное, *ум* – существительное.

28) *L'autre était un petit homme maigre, de figure assez intelligente, nerveux, qui contractait avec une persistance remarquable ses muscles sourciliers.* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Другой был человек небольшого роста, худощавый, с нервным, довольно умным лицом и сурово нахмуренными бровями. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

29) *L'affaire conclue, il ne s'agissait plus que de trouver un guide. Ce fut plus facile. Un jeune Parsi, à la figure intelligente, offrit ses services. Mr. Fogg accepta et lui promit une forte rémunération, qui ne pouvait que doubler son intelligence.* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Сделка была заключена, оставалось найти проводника. Это уже было легче. Молодой парс с умным лицом предложил свои услуги. Мистер Фогг согласился, пообещав ему такое вознаграждение, которое могло лишь удвоить его усердие. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк)]

В группе данных примеров также используется прием дословного перевода: переводчик прибегнул к первому словарному значению лексемы *intelligent* – умный.

30) *Madame Thénardier était juste assez intelligente pour lire ces espèces de livres.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Умственного развития г-жи Тенардье как раз хватало на чтение подобных книг. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

При переводе был использован еще один прием грамматических трансформаций – прием добавления. Данный прием необходим, так как в языке оригинала очевидна формальная невыраженность семантического компонента в слове *intelligent*.

31) *Cette voix intelligente fit frémir don Juan, il crut avoir été compris par le chien.* [Honoré de Balzac. L'Élixir de longue vie (1830)]

От его умного лая задрожал Дон Хуан — казалось, пес проник в его мысли. [Оноре де Бальзак. Эликсир долголетия (Б. Грифцов, 1930-1950)]

Кроме приема дословного перевода в данном случае был использован прием перестановки, тем самым предложение поменялось структурно, но не логически.

32) *Tout à coup la paupière intelligente se ferma et se rouvrit brusquement, comme celle d'une femme qui consent.* [Honoré de Balzac. L'Élixir de longue vie (1830)]

Вдруг веко, в ответ на его слова, закрылось и открылось вновь, как то бывает у женщины, выражающей согласие. [Оноре де Бальзак. Эликсир долголетия (Б. Грифцов, 1930-1950)]

В данном примере используется такой приме грамматических трансформаций, как опущение: то есть перевод слова *intelligent* отсутствует, так как, данная лексема является семантически избыточной.

33) *La vieille fit un signe de tête affirmatif, et, avec son petit rire moitié niais, moitié malin.* [Prosper Mérimée. Lokis (1869)]

Старуха утвердительно кивнула головой и ответила со смехом, простоватым и вместе с тем лукавым. [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

В этом примере используется прием дословного перевода: лексема *malin* переводится своим словарным значением, хоть и не первым, лукавый, поскольку в данном примере нет необходимости использовать другие возможные варианты перевода для передачи дополнительной коннотации или дополнительных семантических компонентов. Первое значение – хитрый.

34) *Pour son malheur, après avoir débarqué au Soleil-d'Or, auberge tenue par Mitouflet, un ancien grenadier de la Gardeimpériale, qui avait épousé une riche vigneronne, et auquel il confia solennellement son cheval, Gaudissart alla chezle malin de Vouvray, le boute-en-train du bourg, le loustic obligé par son rôle*

et par sa nature à maintenir son endroiten liesse. [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart(1832)]

Остановившись в харчевне" Золотое солнце ", принадлежащей Митуфле, старому гренадеру императорской гвардии, женатому на богатой владелице виноградников, и вверив хозяину свою лошадь, Годиссар, на свое несчастье, отправился к местному хитрецу, затейнику и остро слову, которого взятая им на себя роль и природные свойства побуждали веселить своих земляков. [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

Несмотря на то, что здесь переводчик также иллюстрирует прием дословного перевода, он все равно не использует первое значение лексемы *malin*, а на выбор дефиниции при переводе большую роль играет контекст, который описывает не уровень интеллекта объекта, а его поведенческую составляющую и сам характер.

35) - *Oui, monsieur, répondit le malin teinturier en l'interrompant et lui jetant un regard scrutateur par lequel il reconnut aussitôt le genre d'homme auquel il avait affaire.* [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart(1832)]

- *Да, сударь, — ответил хитрый красильщик, окинув посетителя пронизательным взглядом и сразу поняв, к какому типу людей он принадлежит.* [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

В данном примере был использован прием дословного перевода. Лексема была переведена своим словарным значением, так как нет необходимости вносить в перевод какие-либо дополнительные семантические значения.

36) *A peine Gaudissart eut-il achevé de dîner que madame Fontanieu et l'adjoint de Vouvray vinrent au Soleil-d'Or, prirent à part Mitouflet, et lui représentèrent combien il serait affligeant pour le canton qu'il y eût une mort violente; ils lui peignirent l'affreuse situation de la bonne madame Vernier, en le conjurant d'arranger cette affaire, de manière à sauver l'honneur du pays. - Je*

m'en charge, dit le malin aubergiste. Le soir Mitouflet monta chez le voyageur desplumes, de l'encre et du papier. [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart(1832)]

Не успел Годиссар пообедать, как в гостиницу" Золотое солнце "пришли г-жа Фонтанье и помощник мэра, отвели к сторонке Митуфле и растолковали ему, как неприятно будет для всего округа, если кто-нибудь погибнет у них насильственной смертью; они обрисовали ему ужасное положение несчастной г-жи Вернье и заклинали Митуфле уладить дело так, чтобы спасти честь их городка. - Я все улажу,—ответил лукавый трактирщик. Вечером Митуфле принес Годиссару перо, чернила и бумагу. [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

Следует отметить, что абсолютно верно в данном примере использован прием дословного перевода хоть и с некоторой эмоциональной окраской. Эмоциональность в данном случае необходима, так как, во-первых, это художественное произведение, во-вторых, такой перевод лексемы *malin* как лукавый идеально подходит для описания персонажа «темного, скрытного, использующего других в ради своей выгоды».

37) *Si tu réussis à bien te juger, c'est que tu es un véritable sage.* [Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince (1942)]

Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр. [Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц (Нора Галь, 1959)]

38) *Cet homme était un sage ou peut-être un sot.* [Guy de Maupassant. Le Horla (1887)]

Этот человек был мудр, а быть может, и глуп. [Ги де Мопассан. Орля (К. Локс, 1946)]

39) *Je ne sais plus que penser. Le sage dit: Peut-être? 21 juillet.* [Guy de Maupassant. Le Horla (1887)]

Не знаю, что и думать. Мудрец говорит: "Быть может". 24 июля. [Ги де Мопассан. Орля (К. Локс, 1946)]

40) *Mais personne n'entendit cette sage réflexion, et personne n'eût voulu en reconnaître la justesse.* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Но ни один человек так и не расслышал этого мудрого замечания, которое все равно не сочли бы справедливым. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

41) *Tu ne sais donc pas que monsieur est... (comment diable dit-on un professeur en jmoude?) monsieur est un grandsavant, un sage, un waidelote.* [Prosper Merimée. Lokis(1869)]

Ведь барин (как бы это сказать по-жмудски: "профессор"?)—барин великий ученый, мудрец, вайделот [дурной перевод слова "профессор"; вайделоты были литовскими бардами]. [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

42) *Je crois, messieurs, que, si toutes les pensées qui nous viennent en tête dans l'espace d'une heure..., je crois que sitoutes *vos* pensées, monsieur le professeur, que je tiens pour un sage, étaient écrites, elles formeraient un volumein-folio peut-être, d'après lequel il n'y a pas un avocat qui ne plaidât avec succès votre interdiction, pas un juge qui nevous mît en prison ou bien dans une maison de fous.* [Prosper Merimée. Lokis(1869)]

Я думаю, господа, что если бы все мысли, которые приходят нам в голову в продолжение единого часа... я думаю, что если бы записать все ваши мысли, господин профессор, которого я считаю мудрецом, то они составили бы целый фолиант, на основании которого, быть может, любой адвокат добился бы опеки над вами и любой судья вас засадил бы в тюрьму или же в сумасшедший дом. [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

43) *Il était, dans toute la force du terme, ce qu'en vénerie on appelle un chien sage.* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)]

Он в полном смысле слова был тем, что на охотничьем языке называется «выжлец». [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

44) *Mêler à sa vie une certaine présence du sépulcre, c'est la loi du sage; et c'est la loi de l'ascète.* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)]

Вкрапливать в свою жизнь мысль о смерти – правило мудреца и правило аскета. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

45) *Sous ce rapport l'ascète et le sage convergent.* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette(1862)]

В этом и мудрец и аскет согласны друг с другом. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

Выше представлены девять примеров перевода лексической единицы *sage* как мудрый либо мудрец. Специалист в области перевода применил прием дословного перевода, так как эти варианты единственные логически верные при данных контекстах.

46) *Elle sentait profondément qu'il fallait «être sage».* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)]

Она всем своим существом ощущала, что надо «быть умницей». [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

Хоть и в данном случае при переводе было выбрано не первое словарное значение, но переводчик также применил прием дословного перевода. Более того в данном варианте лексическая единица с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» относится к женскому полу. Возможно именно поэтому при переводе лексемы *sage* был выбран более эмоционально окрасочный вариант.

47) *À cela près, il était et il fut, en toute chose, juste, vrai, équitable, intelligent, humble et digne, bienfaisant, et bienveillant, ce qui est une autre bienfaisance. C'était un prêtre, un sage, et un homme. Même, il faut le dire, dans cette opinion politique que nous venons de lui reprocher et que nous sommes disposé à juger presque sévèrement, il était tolérant et facile, peut-être plus que*

nous qui parlons ici. [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

За этим исключением епископ был и оставался во всем праведным, искренним, справедливым, разумным, смиренным и достойным; он творил добро и был доброжелателен, что является другой формой того же добра. Это был пастырь, мудрец и человек. Даже в своих политических убеждениях, за которые мы только что упрекали его и которые мы склонны осуждать весьма сурово, он был—этого у него отнять нельзя – снисходителен и терпим, быть может, более, чем мы сами, пишущие эти строки. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Полле-Коган, 1950-1960)]

Данный случай вновь показывает нам использование приема дословного перевода. При переводе был также выбрано одно из первых лексических значений, но только в этом контексте речь идет не об уровне интеллекта, а о его состоянии и характере носителя.

48) *Sage et philosophe, c'est deux; et ce qui le prouve, c'est que, toutes réserves faites sur ces petits ménages irréguliers, Favorite, Zéphine et Dahlia étaient des filles philosophes, et Fantine une fille sage. Sage, dira-t-on? et Tholomyès? Salomon répondrait que l'amour fait partie de la sagesse.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Мудрость и целомудрие – вещи разные; доказательством этому служит то, что Фэйворитка, Зефина и Даляя– разумеется, если принять во внимание все необходимые оговорки относительно этих незаконных супружеств, – были девушками мудрыми, а Фантина – девушкой целомудренной. «Целомудренной? – спросите вы. – А Толомьес?» Соломон ответил бы, что любовь является частицей целомудрия. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Полле-Коган, 1950-1960)]

49) *Le sage est celui qui sait à un moment donné opérer sa propre arrestation.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Мудрец тот, кто способен в нужный момент арестовать самого себя. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1960)]

50) *Bornons-nous à dire que, vingt ans plus tard, sous le roi Louis-Philippe, c'était un gros avoué de province, influent et riche, électeur sage et juré très sévère; toujours homme de plaisir.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Скажем только, что двадцать лет спустя, в царствование короля Луи – Филиппа, это был крупный провинциальный адвокат, влиятельный и богатый, благоразумный избиратель и весьма строгий присяжный; такой же любитель развлечений, как и прежде. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В представленных выше примерах показано использование приема дословного перевода, однако выбор переводчика на первое словарное значение падает не всегда. Оно зависит от того, каким членом предложения и частью речи данная лексическая единица является. Мы видим, что в разных предложениях *sage* переведен по-разному: мудрец, мудрость, благоразумный (=мудрый). Однако в примере №48 лексема *sage* употреблена не в значении «высокий уровень интеллекта» и переведена как *целомудренный*, что имеет значение «девственный», «чистый», «непорочный», и употреблена данная лексическая единица по отношению к женскому полу.

51) *Fantine posa sa tête sur l'oreiller et dit à demi-voix: Oui, recouche-toi, sois sage puisque tu vas avoir ton enfant.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Фантина положила голову на подушку и вполголоса произнесла: – Да, да, ложись, будь умницей, ведь завтра тебе привезут твое дитя. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

52) *Elle se tourna vers lui; elle faisait visiblement effort pour paraître calme et «bien sage», comme elle disait dans cet affaiblissement de la maladie qui ressemble à l'enfance, afin que, la voyant si paisible, on ne fit pas difficulté de lui amener Cosette.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Она повернулась к нему. Видно было, что она изо всех сил старается казаться спокойной и «быть умницей», как она выражалась в своем болезненном бессилии, похожем на детскую слабость, – старается для того, чтобы все увидели ее спокойствие и позволили привести к ней Козетту. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

Как и в примере №46 в данных двух примерах сама лексема *sage* и ее перевод относятся не просто к женскому роду, которым является описываемый данной лексической единицей объект, но к женскому полу. И точно также при переводе используется эмоционально-окрасочная лексика.

53) Ce brillant et sceptique personnage, dont l'entendement survivait seul à la plus affreuse de toutes les destructions, sevit entre un médecin et un confesseur, ses deux antipathies. [Honoré de Balzac. L'Élixir de longue vie (1830)]

Блестящий скептик, у которого среди ужаснейшего разрушения уцелел один только разум, теперь переходил в руки то к врачу, то к духовнику, внушавшим ему одинаково мало симпатий. [Оноре де Бальзак. Эликсир долголетия (Б. Грифцов, 1930-1950)]

В этом примере, где очевидно также использован прием дословного преобразования, переводчик привел одно из первых словарных значений лексемы *brilliant*. Но здесь оно представлено не в том значении, в каком могло показаться изначально. Дело в том, что лексема *блестящий* является многозначным словом и ей свойственна неопределенность значения. Поэтому именно от контекста становится ясно, что *блестящий* это не какой-то физический признак объекта, а его характеристика его «разума».

54) Il était bien fait de sa personne, quoique d'assez petite taille, élégant, gracieux, spirituel; toute la première partie de s'avie avait été donnée au monde et aux galanteries. [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Он был хорошо сложен, хотя и несколько маловат ростом, изящен, ловок, остроумен; первую половину своей жизни целиком посвятил свету и

любовным похождениям. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

55) *Il était spirituel, et juste assez lettré pour se croire un disciple d'Épicure en n'étant peut-être qu'un produit de Pigault-Lebrun.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Он был остроумен и начитан ровно настолько, чтобы считать себя последователем Эпикура, хотя в действительности являлся, пожалуй, всего лишь детищем Пиго-Лебрена. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В двух выше представленных примерах было использовано дословное преобразование при переводе. Основываясь на контексте можно понять, почему переводчик выбрал именно этот вариант перевода (остроумный): ведь в нем говорится не об уровне интеллекта и образованности, а о умении и искусности его использовать.

56) *Depuis 1830, plus spécialement, les idées devinrent des valeurs; et, comme l'a dit un écrivain assez spirituel pour ne rien publier, on vole aujourd'hui plus d'idées que de mouchoirs.* [Honoré de Balzac. L'illustré Gaudissart (1832)]

Говоря языком коммерческим, после 1830 года идеи превратились в ценности, и, как сказал некий писатель, достаточно разумный для того, чтобы ничего не печатать, нынче больше воруют идей, нежели носовых платков. [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

57) - *Joli calembour. Il est non-seulement très-fort, mais encore très-spirituel.* [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832)]

- Прекрасный каламбур, не только складный, но и остроумный. [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (Н. Коган, 1970)]

58) *"Monsieur le consul," répondit l'agent, "si c'est un homme fort comme on doit le penser, il viendra!"* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

- Господин консул, — ответил агент, — если это человек умный, как и следует предполагать, он придет! [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

59) *Quand j'en rencontrais une qui me paraissait un peu lucide, je faisais l'expérience sur elle de mon dessin numéro 1 que j'ai toujours conservé. Je voulais savoir si elle était vraiment compréhensive. Mais toujours elle me répondait: "C'est un chapeau." Alors je ne lui parlais ni de serpents boas, ni de forêts vierges, ni d'étoiles. Je me mettais à sa portée. Je lui parlais de bridge, de golf, de politique et de cravates. Et la grande personne était bien contente de connaître un homme aussi raisonnable...* [Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince (1942)]

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок №1 — я его сохранил. Но все они отвечали мне: "это шляпа", и я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здоровомыслящим человеком. [Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц (Нора Галь, 1959)]

60) *"Si votre Majesté désirait être obéie ponctuellement, Elle pourrait me donner un ordre raisonnable.* [Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince (1942)]

- Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, — сказал он, — вы могли бы отдать благоразумное приказание. [Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц (Нора Галь, 1959)]

61) *"Je fais là un métier terrible. C'était raisonnable autrefois. J'éteignais le matin et j'allumais le soir.* [Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince (1942)]

- Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. [Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц (Нора Галь, 1959)]

Преобразованием в данном примере послужил прием замены, в частности, замены части речи: *raisonnable* – прилагательное, *имело смысл* –

управление, состоящее из глагола и существительного. Независимо от того, что данная лексема была заменена другой частью речи при переводе, членом предложения она осталась тем же, сказуемым.

62) *Alors je fus pris d'une colère furieuse contre moi-même; car il n'est pas permis à un homme raisonnable et sérieux d'avoir de pareilles hallucinations. Mais était-ce bien une hallucination?* [Guy de Maupassant. Le Horla (1887)]

Тогда я бешено рассердился на самого себя: нельзя же, чтобы у серьезного, рассудительного человека бывали подобные галлюцинации! Но была ли это галлюцинация? [Ги де Мопассан. Орля (К. Локс, 1946)]

В данном случае был также использован прием дословного перевода, но при переводе было выбрано не первое словарное значение *разумны*, а *рассудительный*, так как в данном контексте, именно оно наиболее ярко передает семантическое значение данной лексемы в контексте.

63) *Le brigadier général ne vit dans ce pari qu'une excentricité sans but utile et à laquelle manquerait nécessairement le transire benefaciendo qui doit guider tout homme raisonnable.* [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Бригадный генерал видел в этом пари лишь голое чудачество, без всякой благой и полезной цели, которой разумный человек должен руководствоваться во всех своих начинаниях. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)]

В этом примере был использован прием дословного перевода, поскольку переводчику не было необходимости передавать какие-либо дополнительные семантические компоненты. Поэтому перевод *разумный* в данном контексте является наиболее употребительным.

64) *A seize ans, moi, j'étais plus raisonnable qu'elle ne l'est à vingt; mais c'est une bonne fille au fond, et elle a toutes les qualités solides.* [Prosper Mérimée. Lokis (1869)]

Я в шестнадцать лет была рассудительнее, чем она в двадцать. Но в сущности она добрая девушка и с большими достоинствами. [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

В данном примере был также использован прием дословного перевода, но при переводе было выбрано не первое словарное значение *разумны, а рассудительный*, так как в данном контексте, именно оно наиболее ярко передает семантическое значение данной лексемы в контексте.

65) *Souvent je m'apercevais qu'il souffrait intérieurement de la savoir si peu raisonnable; mais, dès qu'elle lui avait fait quelque petite mignardise, il oubliait tout, sa figure s'illuminait, il rayonnait de joie.* [Prosper Mérimée. Lokis (1869)]

Часто я замечал, что ее легкомыслие причиняет ему душевное страдание; но стоило ей проявить к нему малейшую ласку, как он все забывал, лицо его озарялось, и он весь сиял от счастья. [Проспер Мериме. Локис (М. Кузмин, 1927)]

В данном примере имел место быть такой прием грамматических преобразований как опущение, так как в данном случае, перевод лексемы *raisonnable* был бы семантически избыточным.

66) *Quand vous serez raisonnable, je vous l'amènerai moi-même.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]

Когда вы будете благоразумны, я сам приведу его к вам. [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

В данном примере используется прием дословного перевода: перевод лексемы *raisonnable* как *благоразумный* является наиболее верным вариантом, так как, нет необходимости использовать другие варианты перевода для передачи какой-либо дополнительной коннотации.

Далее будут представлены графики, показывающие нам частоту использования переводческих трансформаций и их приемов при переводе лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» с французского языка на русский. Также будет представлена диаграмма, иллюстрирующая количество употребления лексических единиц

с семантикой высокого уровня интеллекта по отношению к мужскому и женскому полу/роду.

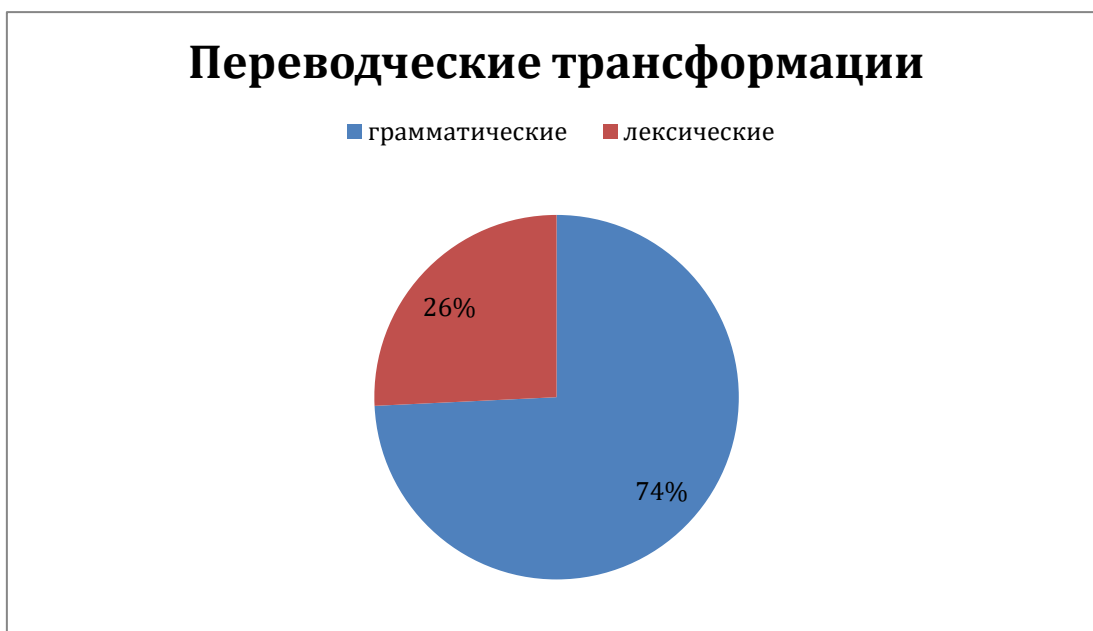

Рисунок.1 Частота использования переводческих трансформаций при переводе предложений с лексемами высокого уровня интеллекта

Данная диаграмма показывает, что при переводе лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» в текстах французской литературы специалисты в области переводе чаще всего прибегали к грамматическим трансформациям. Обусловлено это тем, что при переводе с французского языка на русский предложения не совпадают друг с другом по структуре: часто структура французского предложения отличается от русского порядком слов, следованием членов предложения, в нескольких случаях части речи, которыми выражены члены французского предложения, передаются совершенно другими частями речи.

Приемы трансформаций

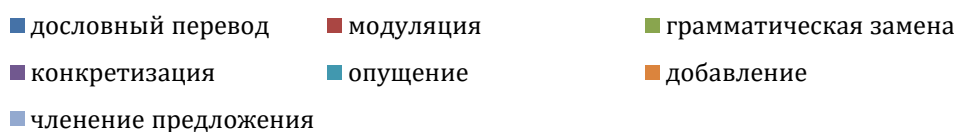

Рисунок 2. Частота использования приемов трансформаций при переводе лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта»

Данная диаграмма иллюстрирует нам, как часто специалисты в области перевода прибегают к определенным приемам трансформаций при переводе и с чем это связано. Самый распространенный в использовании – это прием дословного перевода, он же калькирование. Этот прием заключается в создании новой лексической единиц или словосочетания, не изменяя текст, где находится данная лексема, структурно и самое главное логически. Второй по частоте использования – прием модуляции. Он является некой противоположностью калькирования, так как заключается в перестройке всей фразы структурно и семантически в случае если смысл предложения понятен, но не может быть передан теми же лексическими средствами.

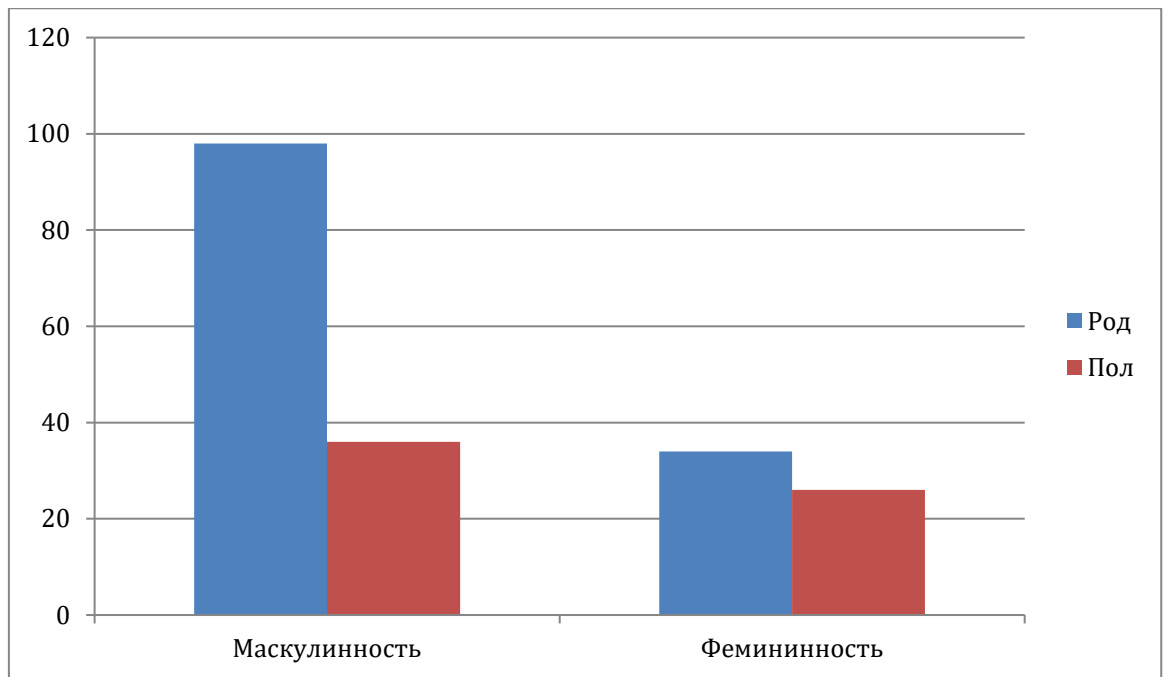

Рисунок 3. Зависимость перевода лексических единиц высокого уровня интеллекта с полом и родом,

Выше представленный график показывает тенденцию использования и перевода лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» с французского языка на русский по отношению того, какого пола/рода является объект, к которому эта данная лексическая единица относится. По диаграмме видно, что в большинстве случаев при лексемы с семантикой высокого уровня интеллекта относились к мужскому роду, и меньше, чем в два раза к женскому. Однако ситуация не слишком различается, когда речь идет именно о поле объектов, которых описывают данными лексическими единицами, ведь как показывают многие исследования когнитивных способностей тестами IQ, средняя разница умственных способностей между мужчинами и женщинами была невелика

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В практической части исследования рассматриваются примеры употребления лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» во французской художественной литературе. Все примеры заимствованы из параллельного французско-русского корпуса национального корпуса русского языка, что позволяет говорить о том, что авторы переводов являются специалистами данной сферы и их переводы выполнены профессионально.

Деление предложений на две группы в зависимости от вида трансформаций: лексические и грамматические. Примеров с применением смешанных трансформаций найти не удалось. В данном случае, прослеживается яркая тенденция более частого использования грамматических преобразований, чем лексических. Затем, в зависимости от использованного при переводе приема было принято решение разделить данные примеры еще на 7 подгрупп. Большинство примеров были переведены с использованием приема дословного перевода, после него идут модуляция, конкретизация, грамматические замены, опущение, добавление и членение предложения. Настолько частое употребление приема дословного перевода может свидетельствовать о том, что в переводе лексем с семантикой высокого уровня интеллекта используются стандартные лексические единицы французского языка, так как данные лексические единицы как в оригинале, так и в переводимом языке являются эмоционально нейтральными, и не несут никакой другой семантики кроме оценочной и описательной.

Результат анализа: при переводе лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» были использованы такие приемы трансформаций, как модуляция, калькирование, добавление и замена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы нам удалось выполнить все намеченные задачи и достигнуть поставленной цели.

В число задач нашего исследования входило рассмотрение такого понятия как перевод. Изучив различные исследования как отечественных, так и зарубежных лингвистов, мы придерживаемся мнения, что наиболее точное и полное определение рассматриваемого понятия дает отечественный лингвист Л. С. Бархударов. Согласно ему перевод – это процесс преобразования текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении плана содержания, то есть его значения.

В данном исследовании особое внимание было уделено трансформациям и тому, как они влияют на процесс перевода, особенно, если учесть, что в наши задачи входил анализ лексических единиц с семантикой высокого уровня интеллекта, являющихся по сути стилистически нейтральными в контексте художественной литературы. Ведь художественный перевод сам по себе очень серьезный и сложный процесс, в котором мы как раз и использовали все имеющиеся трансформации: модуляция, дословный перевод, конкретизация, антонимический перевод, опущение и добавление, грамматические замены.

Во второй главе данного исследования рассмотрены случаи употребления лексических единиц с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» в художественной литературе, а также случаи использования трансформаций при переводе данных лексем.

Результат анализа: из всех имеющихся пар примеров (66) большая часть была переведена с использованием грамматических трансформаций (49), остальные (17) – с использованием лексических трансформаций. Что касается приемов трансформаций, все пары примеров с использованием лексических трансформаций были переведены с помощью приема модуляции (17). Наиболее частым приемом перевода являлся дословный перевод (33).

Далее использовались приемы грамматической замены (7), конкретизации (4), опущения (3), добавления (1) и членение предложения (1).

С имеющимся анализом была выявлена еще одна тенденция – лексические единицы с семантическим компонентом «высокий уровень интеллекта» более часто употребляется по отношению к мужскому роду, это касается как людей, так и предметов. Из 132 примеров всего 34 случаев употребления лексем высокого уровня интеллекта по отношению к женскому роду, из них 26 случаев – непосредственное отношение к женскому полу. Также обнаружено, что при переводе данных лексем преобладал такой перевод, как *умница* французской лексемы *sage*. Связано это скорее всего с эмоциональной окраской контекста оригинала. Из 98 оставшихся примеров 36 случаев употребления лексем высокого уровня интеллекта относятся непосредственно к мужскому полу. В отличие от лексемы эмоциональной, относящейся к женскому полу, в 36 случаях преобладал перевод *разумный, неглупый*, то есть «наличие ума подтверждается, а его качество нет».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенк Г.Ю. Понятие и определение интеллекта // Вопросы психологии, 1995. № 1. С.111–131.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Бархударов Л.С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания, 1973. №3. С. 50–61
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 190 с.
5. Березина Т.Н. Интеллект и креативность, 2003. №3. С. 92–101.
6. Богатская Е.Ю., Невольникова С.В. Курс лекций по теории перевода: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2011.
7. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 198 с.
9. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М.: Высш. школа, 1977. 312 с.
10. Дружинин В.Н. Диагностика общих познавательных способностей. СПб.: Питер, 2000 г. 368 с.
11. Илюшкина М.Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: Учебное пособие. Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2015. 84 с.
12. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: Издательство Союз, 2000. 320 с.
13. Кахаров А.Ф. Задачи теории перевода и линвокультурология // Молодой ученый, 2016. №7. С. 634–637. [Электронный ресурс] URL <https://moluch.ru/archive/111/27287/> (дата обращения: 10.12.2018).

14. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
15. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
16. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: Учебное пособие. М., 1999. 136 с.
17. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
18. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 167 с.
19. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981. 248 с.
20. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Книга для учителя школ с углубленным изучением немецкого языка. М.: Просвещение, 1988. 159 с.
21. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1973. 136 с.
22. Львовская Э.Д. Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985. 232 с.
23. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 206 с.
24. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
25. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Ответственный редактор. М.: Готика, 1999. 176 с.
26. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
27. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней). М.: Флинта, 2006. 416 с.

28. Нечаева В.М. Методика обучения переводческой деятельности: (В рамках курса русского языка как иностранного). М.: Русский язык, 1994. С. 78–85.
29. Палажченко П.Р., Чужакин А.П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М.: Р. Валент, 1999. 192 с.
30. Паршин А.А. Теория и практика перевода. СПб.: СГУ, 1999. 208 с.
31. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспент пресс, 1996. 536 с.
32. Рецкер Я.И. Следует ли передавать аллитерацию в публицистическом переводе? Тетради переводчика. №3. М., 1966. 73 с.
33. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
34. Рецкер Я.И. Что же такое лексические трансформации? Тетради переводчика. №17. М.: Международные отношения, 1980. С.72–84.
35. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: Учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. 306 с.
36. Серов Н.П., Шевнин А.Б. Теория и практика перевода. М.: Высшая школа, 1989. 235 с.
37. Тютеебаева А.М. Моделирование переводческого процесса. Фундаментальные исследования, 2013. №6. С. 207–211.
38. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. учебное пособие. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
39. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки, 2009. С. 31–37.
40. Черняховская Л.А. Членение и объединение предложений при переводе с целью сохранения компонентов смысловой структуры // Иностранные языки в школе, 1971. №4. С. 21–30.

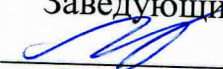
41. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
42. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
43. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
44. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
45. Переводческие трансформации (статья). Портал переводчиков [Электронный ресурс] URL:// <https://goo.gl/3bSjXj> (Дата обращения: 10.12.2018)
46. Стратегии перевода (статья). Linguistic translation agency. [Электронный ресурс] URL:// <https://goo.gl/916BKM> (Дата обращения: 10.12.2018)
47. Многоязычный контекстный словарь Context Reverso [Электронный ресурс] URL:// <https://goo.gl/WeRi6u> (Дата обращения: 12.12.2018)
48. Переводческие трансформации (статья). «Портал переводчика» [Электронный ресурс] URL:// <https://goo.gl/3bSjXj> (Дата обращения: 10.12.2018)
49. Франкоязычный энциклопедический словарь Larousse [Электронный ресурс] URL:// <https://goo.gl/HvkZRp> (Дата обращения: 12.12.2018)
50. Bell R. Translation and translating: theory and practice. Longman, 1991. 300 p.
51. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. Oxford University Press, 1978. 103 p.
52. Cattell J.M. The Measurement of Intelligence of Infants and Young Children (1st ed.). New York: The Psychological Corporation, 1940. 236 p.
53. Fauconnier G. Mappings in Language and Thought. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 1997. 220 p.

54. Gardner H. To Open Minds: Chinese Clues to the Dilemma of American Education. New York : Basic Books, 1989. 318 p.
55. Hans P.K. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. (Что происходит в головах переводчиков.) GNV, 1985. 570 p.
56. Koller W. Linguistic approach to translation theory, 1978. 563 p.
57. Nida E.A. Toward a Science of Translating. E. J. Brill Publishing, 1964. 331 p.
58. Nida E.A. Contexts in Translating. John Benjamins Publishing Company, 2001. 138 p.
59. Newmark P. About Translation. Multilingual Matters Ltd., 1980. 184 p.
60. Pearsall J. Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2001. 2112 p.
61. Wechsler D. The Measurement of Adult Intelligence. Baltimore: Williams & Witkins, 1939. 171 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Военно-инженерный институт
Цикл лингвистического и информационного обеспечения
45.05.01 Перевод и переводоведение

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
 А. В. Колмогорова
« 05 » мая 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ПЕРЕВОД ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ «ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА» С
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Выпускник

Руководитель

Нормоконтролер

В.А. Половинкин

канд. филол. наук,
доцент А.А. Яковлев

В.В. Ефимова